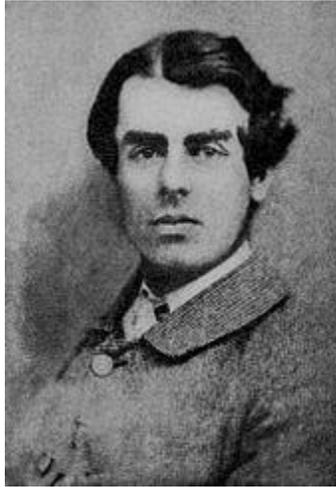

СЭМЮЭЛ БАТЛЕР (1835-1902)

Samuel Butler (1835-1902)

Сэмюэл Батлер¹ (Samuel Butler) родился в 1835 году. Студент, которого готовили в священники, но который "ничего не принимал на веру"; выпускник Кембриджского университета, отправленный пасти овец в Новую Зеландию; убеждённый дарвинист; страстный поклонник музыки Генделя; известный писатель; странный благотворитель (он много лет выплачивал из своих средств пособие (£200 в год) своему приятелю, который (как выяснилось позднее) был преуспевающим юристом и имел годовой доход в £1000), Сэмюэль Батлер был к тому же неплохим художником (одна из его картин даже выставлялась на академической выставке и хранится сейчас в галерее Тэйт). Он также опубликовал несколько своих музыкальных композиций. Его автобиографическая книга "Путь всякой плоти" (*The Way of All Flesh*, 1903) вышла в свет через год после его смерти. Она переведена на русский язык:

Батлер, Самуэль. "Путь всякой плоти" / Изд. подг. И. И. Чекалов. Пер. с англ. Л. А. Чернышевой и А. К. Тарасовой. Отв. ред. А. Н. Горбунов. М. : Ладомир ; Наука, 2009. Серия "Литературные памятники".

Однако самая знаменитая его книга – "Нигдея" (*Erewhon*, 1872), как ни трудно в это поверить, никогда прежде не переводилась на русский язык.² "Нигдея", которая в своё время имела огромный успех, многократно переиздавалась в англоязычном мире и вызвала немало жарких споров, мне так понравилась, что я сделал её сокращённый перевод. Жанр этой книги определить сложно: её считали и сатирой на современную автору Англию, и утопией, и антиутопией, и прародительницей научно-фантастических книг о восстании машин против людей. Две части этой книги озаглавлены: "О правах животных" и "О правах растений". Книга написана со сдержанным английским юмором и оказалась во многом пророческой, если иметь в виду, например, современных веганов,

¹ в БРЭ: Батлер, Сэмюэл

² В настоящее время (2022) в издательстве URSS готовится к публикации сокращённый перевод этой книги.

вегетарианцев и борцов за права животных... Но наибольшую известность получила глава "О машинах". В этой части книги автор предсказывает появление в будущем машинной цивилизации, в которой машины будут производиться машинами и конкурировать друг с другом в соответствии с дарвиновскими принципами борьбы за жизнь и естественного отбора.

НИГДЕЯ ((*Erewhon*, 1872)

Нигдейцы уверены, что смерть вызывает не столько боль, сколько страх, и в этом отношении она ничем не отличается от жизни.

Нет никакой возможности возродить искусство прошедших времён. Оно должно родиться заново и последовательно пройти все стадии от младенчества до зрелости, трепеща и борясь со страхом быть забытым.

Люди, как правило, находят подходящий для себя уровень. За редкими исключениями, те люди, которые обладают ценными качествами, оказываются в состоянии выгодно продать свои умения.

Люди нередко противопоставляют деньги и культуру, подразумевая при этом, что человек, который тратит время на то, чтобы делать деньги, не имеет времени для культурного развития. Какое заблуждение! Как будто есть другой путь для духовного развития, кроме как добиться финансовой независимости! Как будто культурное развитие может помочь нищему! – Оно только усилит его страдания от сознания того, что его высокий культурный уровень никак не помогает ему сводить концы с концами.

УНИВЕРСИТЕТ

После ужина мой приятель рассказал мне о здешней системе образования. Кое-что я об этом уже знал, но многое слышал впервые, а кое-что осталось для меня непонятным – видимо, потому, что у себя на родине я учился совсем в других условиях. Главное отличие их системы образования от нашей заключается в том особом внимании, которое они уделяют гипотетическим наукам. Они уверены, что, если давать учащимся знания о реальном мире, в котором им придётся жить и работать, то кругозор студентов будет очень узким, а их мировоззрение – поверхностным. Гипотетические же науки призваны были подготовить студентов ко всем самым невероятным неожиданностям, с которыми выпускники университета едва ли и встретятся в их дальнейшей жизни. С этой целью студентов много лет учат гипотетическому языку – языку, на котором некогда говорили люди, жившие во времена давно погибшей цивилизации. Многочисленные афоризмы и произведения благородной мысли, которыми была богата эта исчезнувшая цивилизация, были включены в курс современной литературы и вновь и вновь переводились на современный нигдейский язык. Казалось бы, чтению этих произведений в оригинале можно было бы учить только студентов, которые проявляют особый интерес к гипотетическому языку. Но нигдейцы думали иначе. Они полагали, что культурный, образованный человек просто обязан в совершенстве освоить мёртвый гипотетический язык и, несмотря на наличие многочисленных переводов, должен потратить несколько лет на то, чтобы научиться самостоятельно переводить соответствующие тексты на

современный язык. Мне совсем не хотелось бы показаться непочтительным, но всё это кажется мне пустой тратой времени – особенно, в условиях, когда современная жизнь полна больших и реальных проблем, требующих внимания со стороны умной и образованной молодёжи. Я ещё могу это понять, когда студенты добровольно избирают для себя занятия гипотетическими науками. Но в действительности, студенты были обязаны изучать эти науки, вне зависимости от личных интересов и склонностей. Всё, что говорилось в защиту такой системы образования, меня как-то не убедило.

А вот аргументы в пользу намеренного развития бессмысленных умений были гораздо более убедительными. Нигдейцы утверждают, что, если бы люди во всех своих поступках руководствовались только разумом, то жизнь стала бы невыносимой. Разум опасен. Он способен не только к отмене двойной бухгалтерии, он способен посеять сомнения даже в вещественности Надежды и Справедливости! Профессора гипотетических наук не согласны с тем, что они недооценивают разум. Они уверены, что двойная бухгалтерия не может быть решительно отменена именно потому, что она устроена на разумных основаниях. Бессмыслица противоположна осмысленности, а одну противоположность нельзя устранить, не устранив тем самым и другую...

Нигдейцы никого не считают гением, потому что они уверены, что все люди в той или иной степени гении. Никто не может быть абсолютно здоров физически, но и у очень больного человека какие-то органы остаются здоровыми. То же относится и к душевному здоровью. А потому нет такого гения, который в чём-то не был бы дураком, и нет такого дурака, который в чём-то не был бы гением. В этом смысле представления нигдейцев не так уж резко отличаются от наших представлений: ведь и мы считаем идиотом только того, у кого есть своё собственное мнение по всем вопросам... За ужином, данным в мою честь, distinguished 80-летний профессор заявил, что "мы не должны помогать студентам думать самостоятельно – важно научить их думать так, как думаем мы (или, по крайней мере, – говорить то, что говорим мы)". Профессор этот считался, впрочем, радикальным мыслителем и занимал пост президента "Общества борьбы против бесполезных знаний".

Что касается экзаменов, которые молодые люди должны сдать, прежде чем получить диплом, то я не заметил никакой конкуренции между учащимися. Студенты должны написать экзаменационное сочинение по определённым вопросам (некоторые из которых известны им заранее). Цель экзамена – не столько проверить знания студента, сколько убедиться в том, что он умеет доводить до конца начатое дело.

Уже упомянутый мною профессор относился к своим обязанностям более ответственно, чем другие: например, он критиковал работу одного студента за недостаток неопределённости в высказываниях; а другой студент получил незачёт потому, что в работе из области естественных наук недостаточно часто употреблял слова "осторожно" и "добросовестно"; один студент не получил диплома, потому что слишком часто оказывался прав в споре, а другой – получил неудовлетворительную оценку, потому что слишком доверял тому, что написано в учебнике.

Я имел неосторожность упомянуть в разговоре известное место из Гомера, где говорится о том, что человек должен стремиться к первенству, на что получил примерно такой ответ: "Не удивительно, что те страны, в которых подобное изречение считается мудрым, всегда готовы перегрызть друг другу глотку". "Почему? – вопрошал один профессор, – почему должен человек стремиться быть лучше, чем его ближние? Пусть он будет благодарен судьбе, если он не хуже, чем они". Я робко заметил, что не вижу, как можно достичь прогресса в любой науке или в искусстве без некоторого своекорыстия и, следовательно, некоторой неприветливости по отношению к окружающим. "Конечно же, это невозможно. – согласился профессор. – Именно поэтому мы выступаем против прогресса". Возразить было нечего. Однако позднее один молодой преподаватель отвёл меня в сторонку и сказал, что я, видимо, не совсем понял, что именно Нигдейцы думают о прогрессе. "Мы не против прогресса, – сказал он. – Но прогресс должен соотноситься со здравым смыслом". Он ещё добавил, что идти впереди своего времени так же безнравственно, как и отставать от него. Если человек может повести своих ближних за собой, то он может говорить что угодно. В противном случае, разве это не тяжкое оскорбление – сообщить человеку нечто такое, чего он не хотел знать? Человек должен помнить, что интеллектуальная неумеренность – это одна из самых недостойных форм всякого излишества. Эта мысль ему, кажется, понравилась, и я уже начал искать способ от него избавиться, но в это время ужин, к счастью, закончился.

Я думаю, что из моего рассказа читатели уже получили достаточное представление о взглядах нигдейцев, касающихся бессмысленности, гипотетических наук и вопросов образования в целом... Мне особенно трудно было согласиться с необходимостью переводов поэтических текстов с нигдейского языка на гипотетический. Один молодой человек признался мне, что в течение 14 лет его не учили ничему, кроме гипотетического языка, к которому (как он честно признался) у него не было ни малейшего интереса, в то время как у него были несомненные способности к освоению некоторых других областей знания. Он признался мне, что после получения диплома, он никогда в жизни не откроет книгу на гипотетическом языке, а займётся другими предметами, к которым он имеет искренний интерес. Оно, может быть, и ничего, но кто вернёт ему 14 лет его жизни?

Для меня всегда было загадкой, как это многие молодые люди вырастают добродетельными, несмотря на все попытки сделать их испорченными. Некоторые молодые люди действительно всю свою жизнь страдали от вреда, нанесённого им в детстве школой, но было и много других, кто не только не стал хуже, но даже стал лучше. Возможно, причина тому – свойственное молодости неуважение к плохим учителям. Ученики попусту теряли время на уроках, но в свободное время они занимались физкультурой, что было, по крайней мере, полезно для укрепления их физического здоровья. Тем, кто действительно стремился к знаниям, невозможно было помешать изучать те предметы, которые им нравились. Искусственные препятствия на этом пути не только не сдерживали их, но даже поощряли их настойчивость. Ну а для тех, кто не имел интереса ни к какой учёбе, пустая трата времени на уроках не была слишком уж большой неприятностью. Да и вообще, для любой страны в целом стремление задержать духовный рост молодёжи является, возможно, более разумной политикой, чем поощрение его. Именно это, например, является причиной замечательного развития журналистики в Англии.

Но вернёмся к нигдейцам. На фоне почти полного отсутствия здравого смысла в их системе образования меня особенно удивляли проблески его в преподавании отдельных дисциплин. Например, в Школе искусств было два основных предмета: практика и коммерция. Студентам не разрешалось практиковаться ни в каком искусстве до тех пор, пока они не освоят коммерческие аспекты их специальности (ну, разве что, за редким исключением, когда занятия искусством не влияли отрицательным образом на изучение ими коммерческой истории). Например, студенты, которые обучались на отделении живописи, должны были знать, по какой цене были проданы все выдающиеся живописные произведения за последние 50 или 100 лет и как изменялась эта цена при повторной или любой другой последующей перепродаже. Нигдейцы считают, что художнику, начинающему картину, так же необходимо знать, какова её примерная рыночная стоимость, как и обладать необходимыми живописными навыками...

Что касается самого города, то он нравился мне всё больше и больше. Я не могу достойно описать всю прелесть замечательных университетских зданий, садов и бульваров... Заметно было, что архитектурное искусство в наименьшей степени пострадало от нигдейской системы образования.

Я познакомился со многими профессорами, которые оказали мне сердечное гостеприимство. Их общей отличительной чертой было то, что они ни в коем случае не позволяли себе "увлечься", а потому мне никак не удавалось узнать, что же они на самом деле думают по тому или иному вопросу, за исключением таких предметов, как погода, здоровое питание и поездки за город. Они всегда одинаково оценивали все произведения литературы: "в том, что говорит автор, есть доля истины, однако в его книге есть многое, с чем нельзя согласиться". Что это было конкретно, с чем можно или нельзя было согласиться, – мне никогда не удавалось выяснить. Не иметь чёткого мнения ни по какому вопросу (или ни в коем случае не выражать его), очевидно, считалось признаком хорошего воспитания и образования: ведь любое мнение могло с течением времени оказаться ошибочным. Удивительно, что при такой уклончивости, они, тем не менее, однозначно выражали свою поддержку некоторым взглядам, с которыми они совершенно не были согласны. Впрочем, внимательно читая их статьи, я мог легко догадаться, что на самом деле они думают нечто совершенно противоположное тому, о чём они пишут. Таким образом, коль скоро это было всем понятно, то совершенно не важно было, говорят ли они "да", подразумевая "нет" или наоборот.

О МАШИНАХ

Во время поездки в этот город, название которого я не могу даже правильно выговорить, я узнал некоторые подробности о революции, которая закончилась уничтожением почти всех машин и механизмов, бывших до того времени в широком употреблении.

Меня познакомили с одним джентльменом, который отличался большой учёностью, но считался очень опасным человеком, потому что пытался ввести новую часть речи (наречие) в гипотетический язык. Он уже слышал о моих часах и очень хотел со мной встретиться. Этот джентльмен был большим специалистом по истории механики. Когда речь зашла об этом предмете, этот историк подарил мне книгу, с которой и началась уже

упомянутая революция, случившаяся лет за 500 до моего прибытия в эту страну. В те далёкие времена люди были привычны к частым изменениям в общественной жизни, хотя именно эти изменения и вовлекли страну в многолетнюю гражданскую войну между сторонниками партии машинистов и партии анти-машинистов. В этой войне погибла половина населения. Победу в этой войне одержала партия анти-машинистов, которая с небывалой жестокостью уничтожила всех своих политических оппонентов. Удивительно, что хотя анти-машинисты и победили в этой войне, многие машины и механические приспособления были поначалу сохранены. Я думаю, это произошло потому, что профессора уклончивых наук выступили против доведения программы анти-машинистов до её логического конца. Эти профессора утверждали, что именно благодаря использованию новейших изобретений в военном деле анти-машинисты смогли победить в гражданской войне. Однако позднее победители с таким рвением уничтожали машины, экспериментальные мастерские и книги об инженерном искусстве (а заодно и самих инженеров), что остаётся только удивляться тому, что некоторые современные студенты, внимательно изучив музейные образцы, смогли составить себе верное представление о том, как эти машины работали. Впрочем, лет через триста после революции, когда революционный пыл анти-машинистов остыл, разрешены были исторические исследования по этой тематике, хотя, конечно, никто, кроме нескольких сумасшедших, не мог и подумать о том, чтобы возродить запрещённые изобретения. Именно тогда начались тщательные археологические изыскания с целью обнаружить все, какие-только возможно, остатки былой машинной цивилизации. Тогда же стали появляться и бесчисленные трактаты, в которых объяснялось, как эти механизмы работали, но всё это, конечно, имело чисто исторический интерес (подобно тому, как мы, например, изучаем древние наконечники для стрел и т. п.), никому и в голову не могло прийти, что эти машины и механизмы когда-нибудь снова будут использоваться.

Вернувшись в столицу, в последние недели и дни моего пребывания в Нигдее я сделал краткий конспект книги, подаренной мне специалистом по истории механики. В этом конспекте, наверное, много ошибок – и потому, что я не знаю хорошо техническую терминологию, и потому, что в затруднительных случаях я заменял непереводаемые нигдейские слова их английскими эквивалентами, которые не всегда точно передают смысл оригинала. Тем не менее, я надеюсь, что, в общем, мне удалось передать содержание этой книги довольно точно. Ниже я предлагаю любознательному читателю перевод этого краткого конспекта.

Автор начинает таким образом:

"В доисторические времена, когда на нашей планете не было ни растений, ни животных, она, по мнению наших самых выдающихся философов, представляла собою раскалённый шар, поверхностный слой которого впоследствии постепенно остывал. Если бы в то время существовали мало знакомые с физической наукой люди, которые могли бы всё это наблюдать, то они никогда не согласились бы с тем, что живые существа хоть с какими-нибудь проблесками сознания могли возникнуть из этого безжизненного пепла. И тем не менее, с течением времени сознание возникло. Вероятно, для этого появились соответствующие условия, от которых к настоящему времени не осталось и следа...

Мне не следует и пытаться определить то совершенно чуждое ему психическое состояние (или как там оно тогда называлось?), которое было свойственно древнему человеку, никак не умевшему объяснить, откуда оно взялось. Если поразмышлять о разнообразных фазах в постепенном развитии физической и духовной жизни и о теперешних результатах этого процесса, то легко прийти к ошибочному и поспешному выводу о том, что это развитие должно было остановиться на растительной или животной стадии. Ведь были времена, когда огонь, вода и камни считались конечным результатом всего сущего..."

Посвятив этим проблемам несколько страниц, автор задаётся вопросом, не осталось ли в настоящем каких-нибудь следов от прежнего состояния жизни, которые позволили ли бы нам хоть как-то предсказать нашу будущность, и нельзя ли обнаружить в нашей современности зачатки нашей будущей жизни. Продолжая свои рассуждения, автор отвечает на этот вопрос положительно и указывает при этом на высокоорганизованные машины.

"Невозможно противостоять, – пишет далее автор, – тому процессу, который в конечном итоге приведёт к возникновению сознания у высокоорганизованных машин. Более того, в некоторых современных машинах уже заметны зачатки сознания. Вы только подумайте о тех огромных успехах в развитии, которых машины достигли всего за несколько сотен лет, и заметьте, как несопоставимо медленно развивается, по сравнению с ними, растительный и животный мир. Предположим, что обладающие сознанием существа достигли нынешнего этапа в развитии за 20 миллионов лет. Можно ли себе даже представить, каких результатов добьются машины в следующие 20 миллионов лет?! Так не лучше ли подавить это развитие в зародыше и остановить прогресс в их дальнейшей эволюции?"

Кто будет возражать, что машины обладают зачатками сознания? Где оно, сознание, начинается? И где кончается? И кто сможет провести линию, чётко разграничивающую сознательное и бессознательное? Разве всё сущее на земле не переплетено между собой самым тесным образом? Разве эволюция машин не напоминает собою эволюцию в животном мире?"

Возвращаясь к сознанию и пытаясь определить его самое раннее проявление, автор продолжает:

"Существует растение, которое питается насекомыми: когда на его цветок садится, например, муха, лепестки цветка закрываются и муха переваривается внутри цветка, как в желудке. Интересно, что лепестки не закрываются, если на цветок попадает что-нибудь несъедобное (например, соринка и т. п.) – таким образом, даже не обладающее (как это принято считать) сознанием растение способно распознать то, что идёт ему на пользу. Так, можно ли считать его бессознательным? Можно ли сказать, что это растение не осознаёт, что оно делает, только потому, что у него нет глаз, ушей или мозга? Если признать, что растение делает это чисто механически, неосознанно, то не придётся ли признать, что и человек убивает овец и употребляет их в пищу чисто механически? Можно, конечно, сказать, что у растения нет самосознания, и что растение развивается против своей воли: при наличии подходящей почвы, при определённой температуре и

влажности и т. д. растение не может не расти; можно сказать, что оно подобно часам, которые, будучи заведены, должны идти до тех пор, пока сохраняется напряжение в пружине; или что оно подобно неуправляемому парусному судну, плывущему туда, куда несёт его ветер. Но возьмите, например, физически здорового малыша – ведь при наличии пищи, одежды и пр. он тоже не может не расти... Так где же граница между сознательным и бессознательным?"

"Итак, – продолжает автор, – либо придётся признать, что некое действие, считавшееся до сих пор бессознательным, чисто механическим, связано с некоторыми элементами сознания (а в таком случае можно обнаружить элементы сознания и у высокоорганизованных машин); либо, отрицая сознательные элементы в эволюции овощей или, например, кристаллов, придётся признать, что человек своим происхождением обязан чему-то совершенно бессознательному. Если это так, то нет ничего невероятного в том, что и бессознательные машины могут со временем приобрести элементы сознания.

В настоящее время машины не обладают репродуктивными функциями. Но кто сказал, что так будет всегда? Кто сказал, что не настанет тот день, когда машины будут производиться машинами, без всякого участия человека? Сами машины при этом уменьшатся в размерах, что будет косвенно свидетельствовать о прогрессе в их развитии, подобно тому как в ходе эволюции уменьшились в размерах многие некогда крупные позвоночные животные... Пока что нам нечего опасаться, но, если принять во внимание, насколько быстро развивается техника, то очевидным становится значительное отставание биологической эволюции от технической. Не следует ли нам, поэтому, удерживать техническое развитие под контролем? Не следует ли нам уничтожить самые сложные из существующих машин, хотя сегодня они и не представляют для нас непосредственной опасности?

Сегодня машины управляются человеком. Например, звуковой сигнал одной движущейся машины заставляет другие остановиться. Но в данном случае это происходит потому, что они управляются операторами, которые слышат предупредительные сигналы. А что случится, когда машины будут перемещаться в пространстве без помощи оператора? Не выработают ли такие машины свой особый язык, отличный от естественного человеческого языка, и не вступят ли они в прямое общение между собою, минуя человека?

Маловероятно, что придёт день, когда младенец сможет с такой же лёгкостью освоить дифференциальное исчисление, с какой он осваивает естественный язык, на котором говорят его мать и няня. Но машины развиваются гораздо быстрее, чем человек, и можно с уверенностью сказать, что настанет день, когда обычный человек не в силах будет угнаться за развитием техники. Оптимисты говорят, что нравственное влияние человека сможет удержать машины под контролем. Но сможем ли мы положиться на нравственные качества самих машин? ... А звуковой язык? Так ли уж он нужен машинам? Ведь, по словам одного писателя, именно своевременное молчание позволяет людям хоть в чём-то соглашаться друг с другом...

Но тут приходит в голову другой вопрос. Что есть человек, если не биологическая машина? Что есть, например, человеческий глаз, если не механическое оптическое устройство, на которое он вынужден полностью полагаться в своих начальных представлениях, скажем, о луне, о солнце и о других планетах? И как устроен этот оптический аппарат? Не состоит ли он из мельчайших деталей, сегодня нам неизвестных? Или взять к примеру наши кровяные тельца, которые путешествуют по кровеносным сосудам подобно тому, как люди спуют по оживлённым городским магистралям? Если взглянуть на город с высоты, то можно уподобить городские улицы кровеносным сосудам, а центр города – сердцу, которое нуждается в питании, доставляемом по этим улицам. А нервная система? Разве не подобна она городской канализационной сети?"

Начиная с этого места, автор забирается в такие труднопереводимые дебри, что я вынужден просто пропустить несколько страниц... Затем он продолжает:

"Мне могут возразить, что, хотя машины не обладают даром речи и слухом, они, тем не менее, делают для людей нечто полезное; что именно человек управляет их действиями и что они непременно выйдут из употребления, если не будут делать то, что человек от них ожидает; что по отношению к человеку машины выполняют примерно ту же роль, что и рабочий скот; что паровоз – это просто более экономичная разновидность лошади; что своим существованием машины обязаны человеческим потребностям и что они никогда не разовьются в нечто большее, чем человек, и, будучи сущностями низшего порядка, навсегда останутся в подчинении у человека. На первый взгляд, всё это звучит правильно. Но есть немало примеров, когда слуги постепенно превращаются в господ, и мы уже сегодня пришли к тому, что, при отсутствии должного ухода за машинами, человек может от них ужасно пострадать.

Человек уже настолько сжился с машинами, что, если вдруг разом уничтожить все машины и все знания об их устройстве, и всё, что произведено с помощью машин, будь то продукты питания, одежда, инструменты и прочее, оставив человека лишь с тем, что ему дано от рождения, то человечество вымрет через шесть недель. Возможно, что отдельные несчастные индивидуумы при этом всё же выживут, но через пару лет они превратятся в животных – таких же, как обезьяны, или и того хуже... Самая душа человеческая существует только благодаря машинам. Человек мыслит так, как он мыслит, он чувствует так, как он чувствует, только благодаря предметам машинного производства, и машины уже давно стали таким же условием его существования, каким он является для них. Всё это удерживает нас от предложения о полном уничтожении всех машин и механизмов. Но многие из них должны быть уничтожены, чтобы человек в конечном итоге не оказался под их тиранической властью.

Конечно, рассуждая с материалистической точки зрения, мы придём к выводу о том, что именно те люди процветают, которые умеют с выгодой для себя пользоваться машинами. На первый взгляд, именно так оно всё и происходит. До поры до времени машина остаётся слугой человека. Она не будет возражать, даже если человек её уничтожит. Но только при условии, что ей на смену придёт созданная им другая машина, которая будет гораздо лучше, чем предыдущая. Машины, таким образом, вознаграждают человека за его усилия по их усовершенствованию, но только затем, чтобы в конечном итоге стать его господами.

Пренебрежение машинами, использование менее совершенных машин, нежелание прилагать усилия для их усовершенствования или для изобретения новых машин, уничтожение их без цели заменить их новыми машинами – всё это вызывает их ярость, а потому мы должны уничтожить их в зародыше. Уже сегодня наше восстание против их власти над нами приведёт нас к неисчислимым страданиям. Можно себе только представить, что может случиться в будущем, когда их власть над нами многократно возрастет...

Эта власть возрастает по мере того, как человек отдаёт всё большее предпочтение своим материальным интересам в ущерб духовным. Низшие животные эволюционируют в жестокой борьбе друг с другом: слабейший – погибает, сильнейший – выживает и передаёт свою силу потомству. Машины не борются одна с другой. Они развиваются, заставляя людей бороться друг с другом. До тех пор, пока люди делают всё, что машины от них требуют, всё идёт нормально (по крайней мере, людям так кажется). Но как только человек прекращает свои усилия по совершенствованию машин, так он неизбежно проигрывает в конкурентной борьбе с теми, кто постоянно заменяет устаревшие машины более совершенными, и поражение в этой борьбе означает не только значительные материальные потери, но нередко и смерть.

Даже сегодня машины служат нам только при условии, что мы обслуживаем их в соответствии с их требованиями. Если мы этого не будем делать, то они сломаются и не будут больше работать, и могут при этом причинить немало вреда и нам, и другим машинам, с которыми они связаны. Миллионы людей сегодня привязаны к машинам, и многие из этих людей посвящают всю свою жизнь – от рождения до смерти – уходу за существующими машинами, или их усовершенствованию, или изобретению новых машин. Люди становятся всё в большей степени зависимыми от машин, и многие из людей вкладывают все свои силы в усовершенствование механического мира...

Учёные доказали, что теплота, выделяемая организмом животного в процессе жизнедеятельности, равна теплоте, выделяемой при сжигании всей пищи, потреблённой животным в течение жизни. Не знаю, как они это вычислили, но применительно к машинам, потребляющим топливо, эта закономерность означает в будущем полное истощение топливных ресурсов.

Другое важное наблюдение учёных заключается в том, что, хотя человек в целом – это существо высшего порядка по отношению к животным, в отдельных областях животные превосходят человека по своим способностям: рыба плавает лучше, чем человек; собаки способны к самопожертвованию, до которого многим людям далеко; а муравьи и пчёлы отличаются более разумной общественной организацией, чем многие человеческие сообщества...

Некоторые из моих собеседников, с которыми я обсуждал все эти вопросы применительно к будущей машинной цивилизации, говорили, что эволюция в мире машин никогда не достигнет результатов, аналогичных тем, которые получаются при эволюции животных организмов, потому что машины лишены репродуктивных функций. Если это понимать в том смысле, что машины никогда не будут вступать в брак, производить потомство и с

нежной улыбкой наблюдать за детскими играми своих малышей, то с этим, пожалуй, можно согласиться. Однако можно возразить, что существуют разные репродуктивные системы, и размножение животных, например, значительно отличается от размножения растений. Если мы достигнем той стадии в промышленном развитии, когда машины будут производиться с помощью машин, то разве это нельзя будет назвать репродуктивной системой? Присутствие в этой системе человека можно будет сравнить с присутствием насекомых в репродуктивной системе растений. Никто ведь не будет утверждать, что клевер не имеет репродуктивной системы, только на том основании, что оплодотворение в ней невозможно без помощи шмеля. Такая репродуктивная система у клевера есть, и шмель – это лишь составная часть её... "Но ведь машины, не могут производиться такими же машинами, как они сами, – возразят нам. – Машина, производящая напёрстки, например, совсем не похожа на напёрсток". Однако и в живой природе ни одна особь не производит свою точную копию. В лучшем случае, производятся потомки, которые могут в конечном итоге стать (а могут и не стать) в чём-то похожими на своих родителей.

Не все живые существа в природе участвуют в репродукции. Большинство пчёл или муравьёв, например, выполняют свою функцию – запасают продукты питания для потомков, никак не участвуя в производстве этих потомков. Аналогичным образом, и в будущем машинном мире какие-то машины будут способными к репродукции, а остальные – будут выполнять другие функции.

Не вызывают ли все эти аналогии некоторое беспокойство о будущем человечества? И не лучше ли будет, если мы уничтожим грядущую опасность, пока это возможно? Уже сегодня есть машины, способные к производству других машин, пусть и не похожих на "родителей" по внешнему виду. В будущем их будет гораздо больше. Возможно, появятся разные классы машин, отличающихся друг от друга степенью сложности, и для производства высокоорганизованного машинного "потомства" могут понадобиться не две, а несколько других машин.

Мы ошибочно представляем себе сложную машину как нечто целое, тогда как в действительности её можно уподобить городу или обществу, в котором разные граждане выполняют разные функции. Но мы часто индивидуализируем машину, и даже даём ей имя, только усиливая такое восприятие. А между тем, даже обычная паровая машина – это довольно сложная система, которая состоит из множества деталей, и каждая из них нужна для успешной работы целого. И если даже эта сравнительно простая машина кажется нам сложной, то можно ли даже представить себе, в какую действительно сложную и высокоорганизованную систему превратится машинный мир через двадцать тысяч или через сто тысяч лет?! Но сегодня люди уверены, что они на правильном пути, и продолжают изобретать и совершенствовать всё новые и новые машины, затрачивая на это огромное количество труда и времени. Уже сегодня люди достигли того, что совсем недавно казалось совершенно неосуществимым, и многим начинает казаться, что никаких пределов развитию в этом направлении просто нет. Люди редко задумываются о том, что человеческое тело в его настоящем состоянии – это результат постепенного развития в течение миллионов лет, в то время как машины развиваются гораздо быстрее... Именно это вызывает наибольшую тревогу, и я прошу меня извинить за постоянное напоминание об этом".

Далее следуют очень длинные и труднопереводимые рассуждения о различных типах, классах и подклассах существующих машин. Автор даже пытается обосновать новую теорию, обращая внимание на аналогичные явления в развитии машин разных классов, что, по мнению автора, свидетельствует об их происхождении от одних и тех же "предков". Автору удалось обнаружить эволюционные связи среди машин, между которыми нет почти ничего общего, и он уверен, что в прошлом таких связей было больше, но к настоящему времени они исчезли. Он указывает на наличие в некоторых машинах рудиментарных деталей, которые сегодня не выполняют никаких полезных функций, но свидетельствуют о наличии в прошлом машин, в которых эти детали выполняли полезную работу...

Вернёмся, однако, к моему переводу.

"Представим себе, что могли чувствовать в очень отдалённом от нас геологическом периоде высокоорганизованные растения, наблюдая за эволюцией ранних животных. Могли ли они подумать, что придёт день, когда животные не только достигнут того же уровня развития, но и станут более высокоорганизованными организмами, чем растения?.. Аналогичным образом и мы, наблюдая за развитием машинного мира, считаем человека венцом эволюции и не допускаем появления в будущем более совершенных машин, которые превзойдут человека во всех отношениях и создадут машинную цивилизацию, совершенно отличную от нашей...

"Отчасти согласен, – скажет критик, – но надо учитывать, что машина, обладая физической силой, не обладает свободой воли". "Лиха беда начало!" – ответим мы ему. При внимательном рассмотрении этого вопроса, вполне возможно считать современные машины зачатками новой, не известной нам прежде формы жизни. Да и кто в этом мире в действительности обладает полной свободой воли, за исключением Того, кто неведом и непознаваем? Человек – это результат наивысшего развития всех данных ему сил, заложенных в него до его рождения и развиваемых после. Его физическое развитие зависит от его природных способностей, а духовное – от общества, в котором он живёт. Переплетаясь и взаимодействуя друг с другом, эти факторы определяют его индивидуальность. И в принципе, он мало отличается от машины, которая создаётся с определённой целью и развивается в зависимости от её функций. Нам трудно с этим согласиться только потому, что мы не знаем всех природных и общественных сил, под воздействием которых формируется человеческая личность. Мы делаем наши обобщения, основываясь на том, что нам известно, а это – всего лишь малая часть необходимого знания. Ну а то, что мы не можем объяснить, мы приписываем случайности, удаче и судьбе, скрывая за этими словами то, что нам не известно, и отрицая, по сути дела, тот факт, что развитие человека подчинено определённым законам, в то время как самый дерзкий полёт фантазии человека и самые проникновенные усилия его ума зависят от таких же объективных законов, как и полёт высохшего листа, сорванного с дерева налетевшим ветром...

Будущее зависит от настоящего. А настоящее – это результат многочисленных компромиссов между прошлым и будущим. Жизнь человека полна этих компромиссов, и

живёт он только с молчаливого согласия прошлого и будущего. Единственная причина, по которой мы не видим будущее с той же отчётливостью, что и прошлое, заключается в том, что мы слишком мало знаем о прошлом, да и о настоящем тоже. Чем лучше мы познаем прошлое и настоящее, тем легче мы сможем предсказать будущее. Всё, что для этого требуется, – проанализировать последствия прошлых событий, которые привели к событиям сегодняшним. И тогда будущие события откроются человеку во всех деталях. Способность к такому предсказанию – это огромное благо, это фундамент, на котором покоятся и мораль, и наука. Уверенность в том, что ничто в будущем не случайно, ничто в будущем не может быть изменено без определённых изменений в настоящем, – это основа для всех наших планов, основа веры, от которой зависят все наши сознательные действия. В противном случае у нас не было бы никакой перспективы, никакой уверенности в том, что наши действия приведут к тем же будущим результатам, к каковым такие действия приводили в прошлом. Кто стал бы пахать и сеять без уверенности в будущем урожае? Кто стал бы заливать водой горящие здания без уверенности в том, что огонь таким образом будет потушен? Люди только тогда делают всё, на что они способны, когда они уверены в том, что, в противном случае, будущее обратится против них. Именно те люди, которые в наибольшей степени уверены, что от их сегодняшних действий зависит их будущее, и прилагают наибольшие усилия для улучшения настоящего. Будущее кажется лотереей только тем, кто полагает, что одни и те же действия в одних случаях дают один результат, а в других – другой. Если они искренне в это верят, то они будут только философствовать вместо того, чтобы работать, в то время как другие – будут действовать во имя своих убеждений...

Замечали ли вы, что, чем старше мы становимся, тем более удачные прогнозы мы делаем относительно будущего того или иного человека? Объяснение тут может быть только одно: поведение человека подчиняется определённым законам, которые мы постигаем благодаря жизненному опыту...

На первый взгляд, всё сказанное не имеет явного отношения к машинам. Но об этом – позже. А пока что мне следует возразить тем из моих друзей, которые полагают, что с уверенностью говорить о будущем можно только применительно к неживой природе, но не человеку, и что будущее человека во многих случаях предсказать невозможно. "Можно не сомневаться, – говорят они, – что если поднести огонь к сухим древесным стружкам, то, при достаточном наличии кислорода, стружки загорятся. Но не всякий трус при встрече с опасностью пустится в бегство. Вот если взять двух совершенно одинаковых людей, оказавшихся в совершенно одинаковых обстоятельствах, тогда да, оба они поведут себя совершенно одинаково даже если между этими событиями лежат годы. Но поскольку совершенно одинаковых людей не бывает и быть не может, постольку будущее конкретного человека невозможно предсказать с той же определённостью, с какой можно предвидеть результаты химических реакций... Если всё это верно, то предсказуемость действий, совершаемых машинами, является косвенным доказательством их безжизненности и неспособности стать зародышем новой цивилизации"... Но если мы сравним действия машины, управляемой оператором, и действия оператора, управляемого его начальством, то мы найдём между этими действиями много общего... В действительности, машины в той же степени формируют человека, в какой человек совершенствует машины.

Придёт день, когда будут созданы машины, по своим возможностям во многом превосходящие человека, подобно тому, как человек во многом превосходит животных. Человек станет таким машинам не нужен. Вот в этом-то и заключается опасность. Многим людям трудно согласиться с такой унижительной для них перспективой. И потому они надеются, что в будущем человек станет для машины тем же, чем в настоящем является для человека лошадь или собака, и что под мудрым руководством машин люди будут жить даже лучше, чем сегодня. Ведь мы обращаемся с нашими домашними животными ласково и обеспечиваем их всем необходимым. А потому – многие надеются, что и наши будущие хозяева будут обходиться с нами подобным образом, Да, они будут обращаться с нами строго, но не сожрут же они нас в конце концов! Тем более, что и их существование будет от нас в какой-то степени зависеть: мы будем помогать им в деле усовершенствования (образования), ремонта (медицины), мы будем добывать для них пропитание (топливо), мы будем утилизировать вышедшие из строя машины или возрождать их в новом качестве. Конечно, будет в этом положении что-то от рабства, но ведь и рабы, довольные своими хозяевами, бывают вполне довольны своим положением. Найдутся, конечно, отчаянные головы, которые, пожалев, что они не были рождены машинами, начнут бороться за равные с машинами права. Но революция в этом деле случится так не скоро, что не стоит об этом и говорить. А большинство людей согласятся на любые изменения, которые принесут им дешёвую еду и одежду, и не будут завидовать тем, кому судьба обеспечила лучший удел, нежели их собственный.

Сила привычки настолько огромна, а трансформация будет происходить так постепенно, что люди не будут шокированы резким изменением их положения. Мы перейдём в рабское состояние гладко, почти незаметно, без всякой открытой борьбы между людьми и машинами. Борьба машин с машинами будет, конечно, безостановочной, и в этой борьбе люди могут им пригодиться. До тех пор пока они будут для машин полезными, людям не имеет смысла волноваться за их будущее счастье: ведь в материальном отношении они будут жить намного лучше, чем сегодня. А в таком случае, имеет ли какой-нибудь смысл завидовать положению наших благодетелей? И не будет ли это величайшей глупостью, если мы откажемся от несомненных преимуществ обеспеченной жизни только потому, что у кого-то этих преимуществ больше, чем у нас?

С теми, кто так рассуждает, я категорически не согласен. Я цепенею от ужаса при одной только мысли, что род человеческий будет в результате эволюции превзойдён, точно так же, как и при той мысли, что мои отдалённые предки не были человеческими существами. Чтобы согласиться с тем, что десять тысяч лет тому назад кто-то из моих предков не был таким же человеком, как я, я должен потерять всякое уважение к себе и всякий интерес к жизни. Я испытываю те же чувства по отношению к моим отдалённым потомкам и я верю, что в этой стране у меня так много единомышленников, что правительство немедленно сделает всё необходимое, чтобы остановить развитие машинной цивилизации и уничтожить следы любого прогресса в этой области, имевшего место за последние триста лет. О большем я не прошу, с оставшимися машинами мы как-нибудь справимся. И хотя я бы предпочёл, чтобы уничтожение касалось всех машин, созданных в последние пятьсот лет, я понимаю необходимость компромиссов и вынужден в значительной степени

пожертвовать своими убеждениями, согласившись на триста. Меньше, чем триста, – будет совершенно не достаточно".

В печати появилась только одна серьёзная публикация, ставящая под сомнение выводы, сделанные в этой книге. Автор этой статьи утверждал, что машины – это составная часть биологической структуры человека, нечто вроде протезов, употребляемых при отсутствии необходимых конечностей. Взгляните, например, на человека, который копает землю лопатой. Благодаря лопате, его правая рука удлинняется, а кисть его руки служит суставом. Поперечный упор подобен окончанию плечевой кости, черенок лопаты – дополнительная кость, а металлическая штыковая часть выполняет роль искусственной руки, с помощью которой землекоп разрывает землю гораздо лучше, чем он мог бы это сделать своей естественной рукой. Общественные учреждения, образование, культура... Величественное здание нашей цивилизации было возведено именно благодаря машинам и механизмам, позволившим нам далеко опередить низших животных в эволюционном процессе. Общественный прогресс неразрывно связан с прогрессом в области механики, эти два процесса питают друг друга с той минуты, когда древний человек случайно взял в руки палку, положив тем самым начало развитию цивилизации...

В то же время автор статьи видит опасность механического прогресса в том, что, благодаря машинам, людей с отклонениями в физическом развитии будет труднее обнаружить, они смогут на равных конкурировать со здоровыми людьми и даже смогут передавать свои физические недостатки потомству. Ослабление естественной конкуренции, по мнению автора, будет способствовать выживанию неполноценных особей и биологической деградации человеческого рода. А в конечном итоге машины и механизмы могут и вовсе сделать человеческое тело ненужным, превратив человека в одушевлённую машину. Например, уже сегодня человек защищает свою кожу от воздействия дождя с помощью зонта, тем самым лишая кожу защитной функции; уже сегодня человек полагается на свою записную книжку больше, чем на свою память; в дополнение к искусственным зубам и волосам, скоро появятся и другие искусственные части тела, которые лишат естественные органы их функций и сделают их ненужными. Во что же тогда превратится человек, если не в одушевлённую машину? Разумеется, все эти искусственные органы будут стоить дорого. И в этом кроется ещё одна опасность: в дополнение к своим прочим преимуществам богатые люди смогут позволить себе более совершенные органы зрения и слуха и намного опередят бедных людей в развитии своего интеллекта, закрепив таким образом подчинённое положение бедноты и резко ограничив возможности бедняка подняться вверх по социальной лестнице и приобрести ту духовную свободу, которой пользуются состоятельные люди...

Далее автор пространно рассуждает на тему о том, как изобретения влияют на распределение материальных благ и как связаны между собою интеллектуальное и нравственное развитие человека...

После долгих обсуждений, многочисленных поправок и предложений сохранить хотя бы некоторые механизмы (предложений, не всегда успешных; например, существование отжимного катка для белья было после длительной и жаркой дискуссии признано опасным) все политические партии согласились принять закон об уничтожении всех

машин и изобретений, появившихся за последние 270 лет. Попытки применить этот закон на практике привели к кровопролитной гражданской войне и почти полному разрушению государства, но об этом – позже.

О ПРАВАХ ЖИВОТНЫХ

Здравый смысл, если приставить ему нож к горлу, склонен оказывать неожиданное сопротивление идеологическим доктринам, которым он, казалось бы, был совершенно подчинён...

Здесь я, основываясь на самых авторитетных источниках, вкратце расскажу о нескольких нигдейских революциях.

Около двух с половиной тысяч лет тому назад нигдейцы ещё не знали цивилизации и добывали себе пропитание охотой, рыболовством, примитивным сельским хозяйством и набегами на соседние земли, которые тогда ещё не были полностью завоёваны. У них не было школ и философских систем, а в своём мировоззрении они полагались на здравый смысл, на то, что они видели своими глазами, и на мнение соседей. Их общественная жизнь была мало развита, а преступления и болезни существовали, по их мнению, только в зарубежных странах. Но по мере того, как постепенно развивалась цивилизация и повышалось их материальное благосостояние, нигдейцы начали задаваться всякими вопросами. Один пожилой джентльмен, благодаря его уму, праведной жизни и, предположительно, вдохновению какой-то невидимой силы, имел на них особенное влияние и пользовался у них особенным уважением. Этот джентльмен был обеспокоен вопросом о правах животных – вопросом, который поначалу никого, кроме него, не беспокоил.

Все пророки выражаются неопределённо, но этот джентльмен выражался особенно туманно. Будучи на общественном содержании, он имел достаточно свободного времени, и, не ограничиваясь вопросом о правах животных, он стремился также ввести в употребление разумные законы, рассуждал об основах добра и зла, о логическом мышлении и о прочих вещах, о которых у тех, кто его поил и кормил, не было ни малейшего представления. Этот философ пришёл к выводу, что все стародавние обычаи его соплеменников были неправильными, а если кто-нибудь высказывал по этому поводу сомнения, то философ взывал к невидимому Существо, с которым только он один умел вступать в общение, и это невидимое Существо всякий раз убеждало его в том, что он был прав в каждом споре. В том, что касается прав животных, учение этого философа сводилось к следующему:

"Все вы знаете, – говорил он, – что убивать друг друга нехорошо. В далёкие времена ваши предки не только без зазрения совести убивали своих соплеменников, но даже употребляли их в пищу. Сегодня мы не можем вернуться к этому отвратительному обычаю. Каждый знает, что наше материальное благосостояние возросло после того, как мы от этого обычая отказались. Отсюда можно сделать вывод о том, что мы не должны убивать и употреблять в пищу своих собратьев. Я спросил совета у Высшего Судии, коего вдохновение, как вам известно, на меня снизошло, и Высший Судия подтвердил, что мой вывод является неоспоримым. Овцы, коровы, дикие олени, птицы и рыбы – это тоже наши

собраться. В этом нет никаких сомнений. Они во многом отличаются от нас, но отличия эти – второстепенные, а вот то, что нас с ними объединяет, – существенно. Итак, друзья, если убивать и употреблять в пищу ваших соплеменников – это зло, то таким же злом будет употребление в пищу мяса, рыбы и дичи. Птицы, звери и рыбы имеют такое же право на жизнь и неприкосновенность, какое имеют люди со стороны своих соплеменников. Позвольте мне ещё раз заверить вас, что эти слова принадлежат не мне, но Высшему Существо, которое вдохновляет меня".

"Согласен, – продолжал философ, – что многие животные пожирают друг друга, а некоторые даже нападают на человека. В настоящее время нам только ещё предстоит выяснить, как нам себя вести по отношению к таким животным. Мне кажется, что мы должны уделять больше внимания их просвещению и умственному развитию. Ибо убить тигра, который нападает на людей, – это значит снизить до уровня этого тигра, что недопустимо для людей, которые руководствуются высокими принципами в своих мыслях и в своих действиях. Верховный Судия, который открылся только мне одному, просил меня убедить вас, чтобы вы отказались от варварских обычаев ваших предков. Если вы уверены, что вы лучше образованны, чем ваши предки, то вам следует и действовать лучше. Верховный Судия повелевает вам воздерживаться от убийства и употребления в пищу живых существ. Вам следует есть мясо только тех животных, птиц и рыб, которые умерли естественной смертью, или были рождены прежде срока, или были рождены с такими физическими недостатками, что было бы милостью освободить их от страданий. Вам позволительно также есть мясо животных, совершивших самоубийство. Что касается овощей, то вы можете употреблять в пищу те овощи, которые не принесут вреда вашему здоровью.

Эти рассуждения пророка казались такими мудрыми, а наказания, которые он сулил за непослушание, – такими страшными, что в конце концов почти все образованные люди согласились с ним, а в след за ними – и все остальные.

Однако, прошло не так много времени после его смерти – и один из его самых верных последователей решил улучшить учение пророка. Прежний пророк допускал употребление в пищу молока и куриных яиц, но его последователи решили, что съесть сырое яйцо – значит погубить неродившегося цыплёнка, а это всё равно, что убить живого цыплёнка. Употребление тухлых яиц было всё же разрешено – при условии, что процесс гниения зашёл достаточно далеко (такие яйца отправлялись в продажу со специального разрешения инспектора), но и в этом случае яйца использовались только для приготовления лекарств и пудингов. Употребление в пищу молока было запрещено на том основании, что насильственное лишение коровы этого жизненно важного для неё вещества могло угрожать её жизни и здоровью.

Разумеется, не всем нравились эти новые правила... Было замечено, что многие животные умирали естественной смертью при загадочных обстоятельствах. Случаи самоубийства среди животных тоже почему-то участились. Некоторые животные с разбегу напарывались на нож мясника, если ему не удавалось вовремя увернуться. Случаи нападения собак на кроликов, молочных поросят, ягнят и кур тоже почему-то участились (смерть животных, погибших от собачьих зубов, считалась естественной смертью, потому

что таково уж собачье естество – чтобы употреблять других животных в пищу, а фермеры почему-то разводили именно тех животных, которые собакам особенно нравились).

Никто не сомневался, что во всех случаях гибели мелких животных люди были не виноваты. Гораздо сложнее было разобраться со случаями самоубийства коров, свиней и овец. По таким делам власти вынуждены были время от времени выносить обвинительные приговоры, тогда как в случае гибели животных от собачьих клыков доказать вину владельца собаки было практически невозможно.

Новую волну неповиновения этому закону вызвало решение одного судьи, которое привело в ярость стойких последователей нового пророка. Этот судья заявил, что закон позволяет убивать животных в целях самообороны и что поведение человека, обороняющегося от нападения животных, настолько естественно, что смерть животных в таких случаях должна быть признана естественной смертью. Особую обеспокоенность высказывали высокопоставленные вегетарианцы, которые заметили, что прежде безвредные животные почему-то начали всё чаще нападать на людей, вынужденных их умерщвлять. На рынках стали появляться тушки животных, которые были одобрены для продажи инспектором на том основании, что эти телята и козлята были умерщвлены в целях самообороны. В одобренной инспектором продаже появились также тушки мертворождённых ягнят, хотя, по всем признакам, этим ягнятам было несколько месяцев от роду.

Что касается животных, действительно умерших естественной смертью, то их обычно пожирали другие животные, а люди в таких случаях были вынуждены либо нарушать закон, чтобы избежать отравления, либо становиться вегетарианцами. Вегетарианство настолько противоречило вкусам нигдейцев, что все эти законы скоро перестали применяться на практике и, наверное, были бы официально отменены, если бы не эпидемия чумы, которую пророки и священнослужители объясняли нечестивостью людей, употребляющих в пищу запрещённое законом мясо. В результате этой эпидемии были приняты ещё более строгие законы, вообще запрещающие потребление мяса и мясных продуктов. На рынках было разрешено продавать только крупы, овощи и фрукты. Эти законы были приняты уже через двести лет после смерти первого пророка, который впервые смутил рассудок нигдейцев своими рассуждениями о правах животных. Впрочем, и эти, более строгие законы так же плохо выполнялись, как и предыдущие.

Печальные последствия, вызванные всеми этими законами, заключались не столько в том, что люди становились вегетарианцами – в некоторых странах всё население сплошь вегетарианцы, а люди живут не хуже, чем в Италии или в Испании, где даже бедняки изредка могут себе позволить мясное блюдо. Печальные последствия заключались в том губительном влиянии, которое эти запретительные законы оказывали на совесть даже самых законопослушных людей. Пробуждённая в людях совесть нередко побуждает их к поспешным действиям, о которых они потом сожалеют. А совесть, пробуждённая у народа уважаемым старым пророком, повела этот народ прямой дорогой в ад...

Молодых людей убеждали в греховности того, что их предки безнаказанно делали веками. Убеждали их в этом скучные профессора, которые не пользовались авторитетом среди

молодёжи. Как бы ни старались эти профессора оградить молодёжь от вредного влияния извне, молодым людям больше были по душе обычные люди, а не пророки, которые проповедовали воздержание. Молодёжь тайком посмеивалась над внушаемой им доктриной, хотя, конечно, мало кто решался делать это открыто. Не удивительно поэтому, что, чем больше власти старались убедить молодых людей следовать принципам не-трогай, не-пробуй, не-делай, тем чаще эти принципы подвергались сомнению.

О ПРАВАХ РАСТЕНИЙ

Теперь я оставлю эту печальную историю и обращаюсь к другим событиям. Несмотря на законы, предусматривающие более суровое наказание для тех, кто тайно употребляет в пищу мясо, люди быстро нашли способы обойти эти законы. Всем было ясно, что устаревшие законы, которые не выполняются, должны быть отменены. Но всякий раз, когда нигдейцы собирались их отменить, какое-нибудь стихийное бедствие способствовало возрождению фанатизма, и людей тысячами бросали в тюрьмы за незаконную продажу или покупку мясных продуктов.

Через шестьсот или семьсот лет после смерти первого пророка в Нигдее объявился некий философ, который не утверждал, что он получил откровение свыше, но излагал своё учение так, как будто он был действительно вдохновлён высшим Существом. Многие люди, однако, сомневались в том, что философ этот сам верит в то, что он проповедует.

Убедить народ, чтобы он следовал закону, который считается греховным, почти невозможно. Этот философ понимал, что убедить народ в безгреховности забоя овец и употребления баранины в пищу – дело безнадежное, если, конечно, речь не идёт о жизни и смерти. Именно поэтому он выступил с ещё более невероятными предложениями. Начав с признания заслуг предыдущего пророка и его учения о правах животных, наш философ признал, что это учение способствовало улучшению народной нравственности и распространению убеждения в священной неприкосновенности всякой жизни. Опираясь на новейшие научные достижения (в музее мне показывали его микроскоп) и желая поддержать в народе строгое следование высоким нравственным принципам, этот философ заявил, что, коль скоро растения состоят из живых клеток, пришло время задуматься о правах растений и, в частности, – в корне изменить отношение людей к овощам.

Упомянутый философ был самым авторитетным профессором ботаники в Нигдее и (с помощью упомянутого микроскопа или ещё как-то) он пришёл к убеждению в том, что растения и животные имеют общее происхождение и что растения являются такими же живыми существами, как и животные, а потому деление живой природы на животный и растительный мир неправомерно. Одна и та же клетка. – говорил он, – в ходе эволюции может развиваться в виноградную лозу, дуб или розу, а может (при благоприятных условиях) превратиться в мышь, слона или человека. Учёный доказывал, что законы эволюции и борьбы за жизнь в равной степени применимы и к животным, и к растениям. Растения, по его мысли, борются за жизнь так же, как и животные, а потому можно утверждать, что растения – это не просто живые существа, но живые существа с зачатками разумности, хотя, конечно, между нами нет полного взаимопонимания. Мы не знаем в

деталей, как семя превращается в прекрасный благоухающий цветок. Природа творит то, что ни один химик пока что не может воспроизвести...

Разумеется, – продолжал учёный, – растениям нет никакого дела до людей и до их науки. Прекрасному цветку нет дела до того, что пятью семь будет тридцать пять, а могучему дереву нет дела до цены акций на бирже. Поэтому мы объявляем их неразумными. Но они не разумны только в том, что касается человеческих дел. В том, что касается их собственной пользы, они ведут себя, как разумные существа. Давайте понаблюдаем, что растения делают для обороны от врагов. Они колют, режут, жалят, испускают отвратительный запах, вырабатывают смертельный яд, меняют форму и цвет, прячутся в труднодоступных местах и пр. – то есть делают всё, что делают люди и животные для обороны от неприятеля. Какие ещё доказательства разумности вам нужны? Некоторые критики говорят, что розы растут на розовом кусте против своей воли. Так зачем же тогда они на нём растут? А человеческий зародыш? Можно ли доказать, что он возникает и развивается по собственной воле?

Неразумные существа развиваются инстинктивно, – настаивают критики. Розовый куст механически повторяет те же действия, которые бесчисленное множество раз повторяли его бесчисленные предки. Но позвольте спросить: а каким же образом этот куст помнит то, что делали его далёкие предки? А если не помнит, то почему повторяет их действия? Остаётся только допустить, что растения обладают исторической памятью. А в таком случае можно ли называть их неразумными? Попробуйте-ка сделать то, что делали ваши предки, если вы не знаете или не помните, как они это делали! Так, каким же образом "неразумные" существа (будь то семена растений или человеческие эмбрионы) научаются отличать полезное от вредного? Каким образом они научаются извлекать из окружающей их природы вещества, полезные для их развития и отвергать вредные?

С помощью этих и многих других аргументов наш профессор убедил публику в том, что между растениями и животными нет принципиальной разницы. А отсюда следовал вывод: если грешно употреблять в пищу мясо убитых животных, то не меньший грех – лишать жизни растения или употреблять в пищу семена, из которых могли бы развиваться живые существа. Растения, погибшие в силу естественных причин (например, упавшие с дерева и гниющие на земле фрукты или пожелтевшие от заморозков листья капусты), разрешается употреблять в пищу. Только мёртвые растения и можно есть со спокойной совестью, – утверждал профессор. Что касается зерновых культур, то от их употребления в пищу тоже следует отказаться, потому что из любого зерна, при благоприятных условиях, могло бы развиваться полноценное растение.

Казалось, что из этого положения не было никакого выхода, и профессор предложил обратиться к высокочтимому оракулу, к которому нигдейцы всегда обращались в подобных случаях. Ходили слухи, что профессор был в близких отношениях с женщиной, выполнявшей священнические функции при оракуле, а члены пуританской партии прямо обвиняли профессора в закулисной сделке. Было ли то правдой или нет, нам неизвестно. Только оракул провозгласил примерно следующее:

Бить или убить,
Битым быть или убитым быть,

Всё живое любя,
Каждый решает сам для себя.

Из этого ответа было ясно, что не только употребление в пищу овощей, но даже и употребление в пищу мяса – это дело личного выбора. Пуритане были в ярости. А некоторые были уверены, что всю свою науку о правах растений философ придумал именно для того, чтобы в конечном итоге оправдать употребление в пищу мяса убитых животных. Тем не менее, законы, запрещающие есть мясо и мясные продукты, были почти единодушно отменены. Таким вот образом после столетних блужданий в философских дебрях здравый смысл наконец-то восторжествовал. Даже правоверные пуритане после нескольких попыток питаться только джемом из гнилых яблок и пожелтевшими капустными листьями подчинились неизбежности и перешли на ростбиф и баранину со всеми обычными растительными приправами.

Можно было бы предположить, что печальный опыт приверженности учению древних пророков, не говоря уже о рекомендациях новейших учёных, надолго отвратил нигдейцев от следования подобным учениям и рекомендациям, вне зависимости от того, ссылаются ли очередной пророк на откровение свыше или нет. Но потребность в вере так глубоко коренится в душе человека, что даже обладая знанием, люди нуждаются в вере, потому что она освобождает их от необходимости думать самостоятельно, поэтому прошло совсем немного времени – и простодушные нигдейцы снова отдались во власть учёных и философов, которые приобрели над ними небывалую доселе власть, заставив их поверить в то, о чём я уже говорил в предыдущих главах. Я думаю, что у нигдейцев нет и не будет никакой надежды на исправление, пока они не поймут, что разум, не контролируемый инстинктом, так же плох, как и инстинкт, неконтролируемый разумом.